

И. ИГНАТОВ

Философия босячества (у Ришпена и г. Горького)

«Le Chemineau», drame en cinq actes Jean Richepin. —
«Les soliloques du pauvre» par Jehan Rictus. — М. Горький.
«Очерки и рассказы». — Л. Мельшин. «Конец Шелайской
тюрьмы».

Времена идиллических разбойников, благородных убийц, рыцарски честных грабителей в литературе прошли. Они прошли уже потому, что внешние факты, служившие хотя бы до некоторой степени реальным основанием для появления подобных литературных типов, более не существуют. Исчезли дремучие леса, отошли в вечность жившие в них атаманы с послушными шайками; неизвестно куда скрылись морские пираты, и вместе с этим сделались невозможны те благородные поступки, которые совершал когда-то «Красный морской разбойник» или другой столь же даровитый, образованный и рыцарски настроенный «сын ночи, ветра и лесов». Но с исчезновением из литературы благородных разбойников не уничтожилось стремление находить литературный эффект в противопоставлении внешнего бесчинства и разнузданности внутреннему благородству и душевной чистоте. Мир бесприютных, оборванных, бродяжничающих людей предоставлял простор подобным экскурсиям, и в каждой литературе в настоящее время, так же как и прежде, существуют писатели, имя которых связано с изображением идеальных внутренних сторон в лишенной по внешности всякого идеализма среде бродяг и оборванцев. Современная Франция считает их несколько, но наиболее видным представителем этого рода литературы является Жан Ришпен¹. Он писал и пишет очень много, касается самых разнообразных общественных слоев так же, как разных эпох, но и в памяти читателей, и на языке критиков он остается автором «La chanson

des gueux» *. Протестующая философия оборванца, иногда насмешливая, иногда грозящая, изложена в этих песнях в своеобразной форме, где цинизм и умышленная грубость выражений соединяются то с чувством благородной гордости, то с негодованием. Стихотворения Ришпена нашли многочисленных подражателей, и даже в числе так называемых молодых писателей можно указать автора, пишущего под псевдонимом Jehan Ric-tus **. Герои его «Soliloques du pauvre» *** нередко напоминают типы, выводимые Жаном Ришпеном.

Но ни «La chanson des gueux», ни произведения подражателей не дают той идеальной картины бродяжьей души, с которой знакомит нас последняя драма Ришпена, посвященная этому миру, — «Le chemineau» ****. Здесь философия бродяги изложена уже не в отрывочных замечаниях, мелких песнях и неправильно разбросанных соображениях; в «Le chemineau» подробно изложена вся жизнь оборванца и его душевный мир, и причины, приведшие к большой дороге. Что такое бродяга в изображении Ришпена? Несчастное существо, вызывающее жалость? Или возбуждающий содрогание тип, лишенный человеческого образа? Или, наконец, богато одаренная натура, силу обстоятельств доведенная до потери своих дарований и способностей и потому вдвойне достойная сожаления? Ни то, ни другое, ни третье. Бродяга Ришпена ни в читателе, ни в окружающих лицах не возбуждает сожаления или ужаса: он вызывает только восторг и удивление. Он прежде всего рыцарь свободы. Оковы общества, семьи, каких бы то ни было привязанностей к месту, домашнему очагу, одним и тем же впечатлениям, одной и той же страсти — ненавистны ему. Изю всех сильных чувств у него постоянно живет только одно — любовь к передвижениям, к воле, «к простору полей, больших дорог, беспредельных пространств и постоянных изменений». Не сила обстоятельств создала из него блуждающего оборванца, сегодня отдающегося одному занятию, завтра остающегося без дел, полуголодного и бесприютного; но собственной волей он «взял свою судьбу» и сделал из себя бродягу по принципу. Вот в каких словах выражает он свое призвание:

«Оборванец, нищенски вымаливающий корку хлеба, сделал свое родовое имя из созерцания полей, примыкающих к

* «Песнь босяков» (фр.). — Ред.

** Жан Риктю (фр.). — Ред.

*** «Стенания бедного» (фр.). — Ред.

**** «Бродяга» (фр.). — Ред.

большой дороге, этим видом он наслаждается; он владеет сотней, тысячью земель, тогда как другие имеют только одну, собственную. Его страна здесь, там, повсюду, куда он является; ему принадлежат и яблочные сады, и виноградники, и высокие горы, и глубокие долины, ему принадлежат все земли, воздухом которых он дышит, проходя мимо; его земля — это вся страна, тропинкой для которой служит большая дорога. Оборванец — богач, истинный богач, владеющий тем, что не принадлежит никому: пустынными залежами, дремлющими прудами, кустарниками, где с ним разговаривают знакомые духи. Он владеет степью, диким оврагом, песней ветра в прибрежных камышах, солнцем и тенью, и цветами, и водами, и всеми лесами со всеми их птицами».

Le chemineau — не загнанный бродяга, к которому подозрительно относятся лица, вступающие с ним в сношение, не нищий, получающий подавание и злобою отвечающий на презрение других. Как истинный рыцарь, он благороден, смел и откровенен, двери каждого дома открыты для него, потому что его ум, талант, выдающиеся достоинства делают из него превосходного работника, общего благодетеля, устранителя зол и надежного покровителя слабых. Сердца девушек не могут противостоять его обаянию в то время, как он впереди других «высокий, статный, весь в кудрях», могучей песней вдохновляет ослабевших продолжать работу. Любовь не чужда ему, и, отвечая страсти своих обожательниц, он ненадолго создает для себя привязанность, делает временно счастливой молодую девицу, на минуту задумывается над мыслью о собственном очаге, но воля и простор вновь манят его к себе, и «с болью в сердце» chemineau ожидает свою возлюбленную. Так он переходит с места на место, всюду даря счастье, всюду благодетельствуя и везде оставляя после своего ухода пустоту и отрадные воспоминания. Уже в старости, после бесконечных скитаний, лишений и нищеты, заходит он туда, где двадцать два года назад оставил одну девушку с осязательным залогом своей любви. Теперь этот залог вырос в большого парня, которому chemineau по своей всегдашней привычке дарует счастье. Отечественные чувства просыпаются в старом бродяге; мысль остаться навсегда под одной кровлей с любимой женщиной, с сыном, в кругу довольной семьи, начинает манить его; долгие годы бродяжничества и больших дорог сказываются в желании успокоения, но эти же годы создают привычки, от которых он не в состоянии отделаться. Опять воля и простор восстают в виде призрака, властно манящего к себе бродягу всю жизнь, и, «en poussant des

sanglots» *, он покидает гостеприимную кровлю. «Va, chemineau, chemine!» **. Этими словами оканчивается драма Ришпена.

Сказать, что в ней нет решительно никаких черт, которые соответствовали бы действительной психологии бродяжничающего оборванца, пожалуй, и нельзя. Очень вероятно, что элемент привычки к лишенному обязательств и прочих привязанностей существованию играет некоторую роль в его духовном облике. Но во всяком случае общий характер, приданный ришпеневским chemineau, фальшив, криклив и настолько далек от правды, что даже «Красный морской разбойник» и его давно исчезнувшие из литературы товарищи более напоминают живых людей. В стремлении к реабилитации личности своего бродяги Ришпен забывает даже сохранить внешние черты, свойственные той среде, в которой вращается chemineau, и создает тип, не имеющий ни практического, ни теоретического интереса. Познакомиться с психологией лиц, принадлежащих к этой среде, мы из его драмы, конечно, не можем.

В современной русской литературе мир оборванных, босых, бездомных описывается с наибольшей любовью и постоянством г. Горьким. Перед нами лежит 2-й том его «Очерков и рассказов», состоящий из десяти отдельных этюдов; только последний этюд «Ошибка» касается иной среды; все остальные говорят о бродягах, «босьяках», «золоторотцах», обитателях городских подвалов, ночлежных домов, речных балаганов и т. п. Различные типы этого своеобразного мира проходят перед читателем, знакомом последнего со своим мирозерцанием, своими желаниями, чувствами, ожиданиями, отношением к товарищам и к остальному миру. Г. Горький не создает «Красных морских разбойников», не награждает оборванцев качествами, привлекающими к ним сердца окружающих лиц, но сердца читателей он стремится привлечь, и это привлечение совершается при помощи тех же способов, которыми в свое время пользовались авторы рыцарски-честных убийц и идиллических атаманов.

В глубокой теснине Дарьяла жила, как известно, в очень давние времена царица, Тамара, которая была «прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла»². Этот контраст

* рыдая (фр.). — Ред.

** «В путь, бродяга!» (фр.). — Ред.

между внешней небесной красотой и внутренним безобразием составил главный интерес Тамары и служил источником многочисленных драм, совершавшихся вокруг демонической царицы. Герои рассказов г. Горького созданы по типу, напоминающему обительницу Дарьяльского ущелья, только с обратным математическим знаком. Там, где Тамара имела плюс, т. е. во всем, что касается внешней красоты, здесь значит минус; персонажи г. Горького грязны, неряшливы, пьяны и грубы. Но зато громадный минус нравственных достоинств, числившийся за царицей Тамарой, у оборванцев г. Горького заменен стремлением к добру, к истинной нравственности, к большей справедливости, к заботе об уничтожении зла. Так же, как у царицы Тамары, весь интерес выводимых персонажей заключается в этом контрасте между внешностью и внутренней жизнью, между безобразным, с одной стороны, и красотой — с другой. Не условия быта босяков интересуют читателя, а их психология; но в той форме, как дело представляется автором, психология выводимых персонажей не имеет никакого значения без внешних особенностей быта и среды. Последние должны оттенять первую, придавая особенный блеск неожиданности тем нравственным достоинствам, которые в мало подходящей обстановке производят эффект жемчужины, попавшей в навозную кучу.

Первый рассказ, которым открывается книга г. Горького, называется фамилией главного действующего лица — «Коновалов». Между *chemineau* Ришпена и Коноваловым г. Горького существует некоторое сходство. Так же, как французский бродяга, Коновалов умеет работать «как медведь»; по заявлению хозяина, он «сна, покоя не знает, за ценой не стоит — сколько дашь»; подобно *chemineau*, он мастер петь: «Работает и поет! Так он, братец ты мой, поет, что даже слушать его невозможно — тягостно делается на сердце»; подобно *chemineau*, он лишь временно отдается работе и благоразумию, переходя потом к своей преобладающей страсти. Но этим и оканчивается сходство. Веселое, бодрое и бодрящее других настроение французского бродяги заменяется здесь постоянным беспокойством, затаенной тоской, скрытой заботой, находящей исход в пьянстве. «Когда он запьет — нет ему тут никакого удержу, пьет до тех пор, пока не захворает и пропьется догола... Тогда стыдно ему бывает, что ли: он и пропадает куда-то, как нечистый дух от ладана» (II, 4). Из дальнейших объяснений следует, что Коновалов, подобно *chemineau*, переносится, влекомый какой-то внутренней силой с места на место, от Каспийского моря к северу, с севера за границу, от работы «на ватагах» в хлебопекар-

ню, из булочной переходит к битью свай и т. д. Но в то время, как силой, влекущей chemineau, было стремление к простору, воле и отсутствию обязательств, для Коновалова причина передвижений, пьянства и неудовлетворенности заключается в невозможности разрешить мучающие его нравственные вопросы. «Вот поищи-ка, нет ли книги насчет поступков?» — спрашивает он своего грамотного товарища. «Да, брат, очень нужен для жизни порядок поступков, — говорит он в другой раз, — и неужто уж нельзя сделать так, чтобы все люди действовали, как один, и все друг друга понимать могли. Ведь совсем нельзя жить на таком расстоянии один от другого! Неужто умные люди не понимают, что нужно на земле устроить порядок и в ясность людей привести?» (II, 46). Подобными вопросами занят Коновалов всю жизнь. Постоянное нравственное беспокойство, вечная мысль о необходимости «устроить на земле порядок и в ясность людей привести» гонит его с одного места на другое, заставляет выбирать различные профессии, побуждает к пьянству и мрачному отчаянию. Руководимый одною мыслью о «порядке» и «поступках», он отдает последние деньги, чтобы «из мрака заблуждений душу падшую извлечь», и здесь между благородным босяком и благородной «падшей душой» происходит печальное недоразумение. Тронутая великодушным поступком Коновалова, выкупленная им женщина загорается самой пылкой любовью к нему, но Коновалов, отдавая последние деньги, руководился исключительно жалостью к ней, а не своекорыстным расчетом; от любви он отказывается, и этим оскорбляет благодетельствованную женщину, которая в отказе любимого человека видит презрение к себе. Осыпая Коновалова отборной бранью, возвращается она вновь на прежнюю дорогу. Расстроенный неожиданным финалом своего доброго побуждения, Коновалов уходит в другие места искать ответа на вопрос о «поступках», долго блуждает по России, несколько раз попадает в тюрьму, и, наконец, в виду полной невозможности разрешить мучающие его вопросы, вешается во время одного из пребываний в остроге. «Нет для меня на земле ничего удобного, не нашел я себе места!» — говорит он, подводя итог своему существованию.

Не все герои рассказов г. Горького отличаются такой незлобливостью и меланхолической задумчивостью, как Коновалов; многие резки, грубы, размашисты, требовательны и нахальны. Но все или почти все носят эту распущенность и нахальство в виде маски, за которой скрываются или беспокойство относительно «поступков», или граничащее с отчаянием сознание в

бесполезности стремлений к лучшим отношениям между людьми, или какая-нибудь «мечта», смутная для самих ее носителей и совершенно непонятная для читателя. К лицам, прикрывающим своей оборванной внешностью и грязной жизнью сознание бесполезности человеческих стремлений к лучшему, принадлежит, например, хохол, фигурирующий в том же первом очерке. Его жизненная философия резюмируется словами: «Никуда не лезь; придет время, тебя и без твоей воли куда следует втянет и смолотит в пыль» (II, 65). Нечто вроде той же философии носит в себе и наиболее ободранный и пьяный из босяков — Серезка (в рассказе «Мальва»): «Я все делаю скоро и прямо, без изворотов — валяй прямо и все! А куда попадешь, это все равно. С земли, кроме как в землю, никуда не соскочишь!» (III, 56).

К ищущим, старающимся найти разрешение смутно поднимающихся в уме вопросов принадлежит сама героиня рассказа — Мальва. Она изображает из себя нечто вроде тех фатальных женщин, которых описывали многие романисты и, между прочим, тот же Ришпен в романе «La Glu»*. Ее приближение влечет за собой гибель; она увлекает, например, сторожа на рыболовных промыслах, увлекает затем его сына, поселяет между ними раздор и наслаждается своим разрушительным влиянием. Но под наружной жестокостью и равнодушным разворотом скрыты тайные мучения от неразрешенных нравственных вопросов, тщетные попытки найти удовлетворение восстающим в душе требованиям. Как Коновалов просил найти в книгах ответ «насчет поступков», так и Мальва ищет в книге разрешения своих мучительных вопросов. Один из вздыхателей находит ее однажды далеко от прииска, где они вместе работали. Она лежала на боку и, держа в руках какую-то растрепанную книжку, смотрела навстречу ему, улыбаясь. Из разговора, возникающего по этому поводу, выясняется, что Мальва кое-как умеет читать, выучившись этому искусству в то время, «когда в Астрахани у адвоката кухаркой была», что книжка написана про Алексея Божия человека, что она тщетно «не то с тревогой, не то с досадой» спрашивает себя «что надо делать?» и т. д. От своих пьяных товарищей и товаров, от собственного разврата ищет она уединения, и тогда поднимаются у нее желания «никогда больше людей не видеть», а иной раз «так бы каждого человека завертела да и пустила волчком вокруг себя»; то жалко всех мне, а пуце всех — себя самое, то избила

* «Смола» (фр.). — Ред.

бы весь народ» (III, 62). Одним словом, перед нами метущаяся сильная натура, со смутными, но властными нравственными требованиями, с презрением к внешности человеческих отношений и стремлением *ai dela des choses*. Подобно Коновалову, она живет среди грязи, пьянства и разврата, принимая в них живое видимое участие, но в действительности, находясь в отдалении от них, в мире своих неразрешимых сомнений, смутных желаний, аскетических помыслов и подвижнических намерений. Это тоже своего рода Тамара, фатальная женщина, приближение к которой опасно, но которая в любой момент одинаково способна на подвиг, как на преступление, и даже на первый более, чем на второе.

Более смутно, но также властно поднимаются нравственные требования в душе босяка Мишки, описанного в рассказе «Дело с застезками». Воруя, пьянствуя и развратничая, он так же, как и Мальва, ищет «слово для души» в книгах, также проникается уважением к печатному слову, надеясь найти там объяснение своих смутных побуждений.

Чтобы не утомлять читателя перечислением всех босых типов, выводимых г. Горьким в маленьких рассказах, переходим к самому большому очерку «Бывшие люди», где изображается психология большого количества босяков. Здесь — целый ряд оборванцев, когда-то выдавших лучшие дни, но силою вещей загнанных в один ночлежный дом. Первое место занимает ротмистр — хозяин ночлежки, напоминающий своими поступками разбойничьих атаманов былых времен; он — человек установившийся; колебаний и противоречивых побуждений Мальвы и Коновалова в нем нет. Для него жизнь ясна, и эта ясность, насколько можно судить по его поступкам, резюмируется в решении помогать слабым и насколько возможно вредить сильным. Свойства благородного атамана скрыты у ротмистра за особенностями его положения и речи; он слова в простоте не скажет, все с ужимкой; он не имеет прямой возможности мстить сильным, но тем не менее и в витиеватой речи, и в отношениях к окружающим людям он стремится исполнить свою миссию благодетельного разбойничьего атамана. В той же ночлежке живет бывший учитель, тоже пьяница и оборванец, но также человек высоко благородных чувств и поступков; половину скудного заработка он пропивает, другую отдает детям ютящейся около ночлежного дома бедноты. Ни следа злобы или ожесточения не заметно в нем; он поучает своих товарищей мирным и любовным чувствам друг к другу. Далее автор изображает крестьянина Тяпу, который читает Библию, ищет

в ней успокоения и с тоской спрашивает: «Кто нас научит?» Вопросы добра и истинно нравственного поведения мучают его так же, как Коновалова и Мальву, и заслоняют своей важностью все остальное. Около этих наиболее очерченных типов движутся другие, мало обрисованные автором; под влиянием ли своих товарищей, или по собственному влечению они также занимаются решением нравственных вопросов и вставляют свои замечания в бесконечные споры учителя и ротмистра. «Жизнь портят дикие люди, полонившие ее», — говорит ротмистр, и, как человек дела, стремится отстоять жизнь от диких людей. Учитель говорит примиряющие речи, взывая к любви, а не к негодованию. Принимая участие в споре, другие босяки выражают свои взгляды на жизнь, причем наиболее распространенной философией является унылое убеждение в бесполезности разговоров и мыслей: «Зачем? Не все ли равно, что говорить и думать? Нам недолго жить... Мне сорок, тебе пятьдесят... Моложе тридцати нет среди нас; и даже в двадцать долго не проживешь такой жизнью». И на мстительные речи ротмистра, и на примирительные слова учителя босые представители скептицизма восклицают: «Все это глупости, мечты, ерунда» (II, 177).

Таковы главные течения босяцких мыслей и чувств, как они описаны г. Горьким, и таковы изображаемые автором типы. Все представители этого мира подходят под определение, данное Мальве: «У нее, брат, душа не по телу», т. е. у всех грязная, пьяная и нахальная внешность не соответствует благородной и даже нежной душе. Автор в одном месте утверждает, что «у этих людей (т. е. босяков) была одна смешная черта: они любили показать себя друг другу хуже, чем были на самом деле». Этим стремлением «показать себя хуже», по-видимому, обуславливаются многие поступки, не соответствующие действительным побуждениям босяков: кражи, пьянство, разврат, драки и т. д., и т. д. За этой общей чертой — несоответствием безобразной внешности с красивым внутренним миром — идут разновидности последнего. Как мы видели, все эти разновидности сводятся к трем типам, наиболее яркими представителями которых являются Коновалов, ротмистр и цитированный уже хохол. Искание истины и невозможность найти ее служит преобладающей чертой первой разновидности; деятельное стремление к водворению справедливости на земле характеризует собою вторую разновидность, и, наконец, третья находит свое выражение в разъедающем скептицизме большинства. Но и скептики, и энергичные борцы за справедливость, и несчастные искатели истины — все разнородные типы, образующие

огромный мир бродяг и босяков, — одинаково далеки в своих интимных стремлениях от той атмосферы, которой они себя окружают. Они не могут, конечно, соперничать с chemineau в погоне за сочувствием окружающих, но удивление и восторг читателя они стремятся получить в той же мере.

Мы не хотим сказать этим, что персонажи г. Горького так же фальшивы и выдуманы, как герои драмы Ришпена. В них часто видна действительная жизнь, слышится порою реальная речь, чувствуется по временам искреннее страдание, но автор совершенно устранил из своих очерков привычку, неожиданное стечение обстоятельств, случай, безвольное падение по наклонной плоскости и т. п. Он сделал жизнь босяков сознательным отражением той философии, которую каждый из них выработал, и тем допустил в свои очерки освещение, совершенно неверное для жизни вообще и вдвойне неверное для жизни «павших» элементов общества. Это освещение настолько вредит некоторым очеркам г. Горького, что читатель остается совершенно холодным при описании самых патетических сцен и местами готов даже отдать преимущество французскому бродяге перед изображенными русскими типами. По крайней мере, привычка, выгоняющая в конце концов chemineau на большую дорогу, представляется ему более распространенной и более естественной чертой, чем «нравственный голод», побуждающий Мальву развратничать, пить, поселять раздоры, разгул и т. д., и т. д.

В заключение несколько слов, не имеющих никакого отношения к правдивости или неискренности персонажей г. Горького. Тургенев когда-то возмущался некоторыми выражениями современных романистов. Всего более выводили его из терпения такие обороты: «Подайте мой платок, — подскочила она. — Ни за что, — высморкался он». К сожалению, к таким оборотам необыкновенно часто прибегает г. Горький. «Извольте, — умирал от тоски Мишка»; «Сашенька! — глубоко вздохнула она ему навстречу»; «Молчи, уйди! С глаз уйди! — завозился Василий на песке» и т. д. Подобных примеров можно было бы привести очень много.

Было бы очень интересно сопоставить типы, выведенные г. Мельшиным³ в первой книге «Мира отверженных» с теми портретами, которые изображены г. Горьким, и проследить психологические особенности, отличающие каторжан г. Мель-

шина от босяков, подобных Коновалову, Мальве, Сережке, ротмистру и др. Беглое сравнение показало бы, что однообразие душевных свойств, отличающее героев г. Горького, у г. Мельшина заменено тем разнообразием в мотивах, побуждениях, душевном облике и особенностях действующих лиц, которое встречается в действительной жизни.

